ПЕРСПЕКТИВЫ РИТУАЛЬНОЙ ТЕОРИИ ГЛОТТОГЕНЕЗА

М. А. Воронкина

Обращение к теме глоттогенеза обусловлено отсутствием в современной науке единого убедительного объяснения возникновению языка – одного из наиболее ярких признаков, выделяющих человека из животного мира.

Целый ряд известных исследователей, среди которых культурантрополог Рой Раппапорт (Roy Rappaport) [9], опирающийся на труды своих предшественников Криса Нита (Chris Knight) [6], Джереми Льюиса (Jerome Lewis) [7], Ника Энфилда (Nick Enfield), Камилы Пауэр (Camilla Power) [8] и Яна Уоттса (Ian Watts) [11], а также когнитивист и инженер робототехники Люк Стилз (Luc Steels) [10], нейробиолог Терренс Дикон (Terrence Deacon) [5] и др., оспаривают корректность самой постановки вопроса происхождения языка вне связи с появлением не менее удивительного феномена символической культуры. Действительно, в самом феномене человеческого коммуникации нет ничего уникального. Отмечается её видимое сходство с информационным обменом в животном мире – формой взаимодействия, основанной на сигналах различной природы. Естественный язык человека представляет сложную систему знаков. Возможность их использования в речи предполагает осознанность, понимание и необходимость обучения. Обозначая и описывая окружающую действительность, язык создаёт её отвлечённую модель – своего рода параллельную реальность, в терминах которой он мыслит.

Сторонники ритуальной теории обращают внимание на социальные практики, в первую очередь, на такой характерный для ранних охотничье-собирательских сообществ вид деятельности, как ритуал, который, по их мнению, и способствовал созданию принятой в каждом коллективе особой картины мира.

В ряде работ обсуждается возможность трансформации так называемого «предритуала» животных в символическое ритуальное взаимодействие. Способность животных воспроизводить целую серию последовательных знаковых

действий, складывающихся в своеобразный текст, хорошо известна и подвергнута исследованию. Один из наиболее часто упоминаемых примеров – «триумфальная церемония» серого гуся. Во время неё гусак с помощью целого арсенала изобразительных действий имитирует бой и победу над воображаемым соперником. Разыгрываемая драма рассчитана на восприятие наблюдающей за действом подруги, которой адресуется и завершающее представление приветствие. Однако исследователями подчёркивается инстинктивность описанных действий. Это именно предритуал, пока не создающий подлинной символической реальности: «здесь не идёт речь о правилах, позволяющих порождать неограниченное число возможных текстов» [1].

Ритуал предстаёт истинной знаковой системой, которую с языком сближает функция сохранения жизненно важной для социума информации. Общество ритуального типа выделяло наиболее ценный опыт и осуществляло особый контроль над их сохранностью с помощью этого символического действа.

Ритуал характеризуется и как форма освоения мира через его переживание в процессе контактов с ним, реализующихся прежде всего через ***деятельность*** – как “наглядно-практическую”, так и “теоретическую”. Данная деятельность близка семиозису как процессу порождения значения и интерпретации знака. Важно упомянуть, что в ритуале как знаки трактуются сами объекты действительности и ритуала.

Исследования показывают, что ритуальная деятельность характеризуется эвристической направленностью. В ритуале обновляется, утверждается и закрепляется принятая в данном сообществе картина мира, в конечном счёте определяющая единообразные правила поведения, что и рассматривалось важнейшим фактором выживания коллектива.

Важно отметить органическую связь между картиной мира, становление которой в первобытных сообществах было сопряжено с ритуальной деятельностью, и языковой картиной мира.

Заметим, что язык как упорядоченная система знаков соотносится не только с обозначаемыми объектами действительности (денотатами), но и

определёнными приписываемыми им значениями (концептами), то есть идеей об этих объектах. Другими словами, не стоит забывать, что значением (содержанием) любого знака является не замещаемый объект, а представление о нём, которую необходимо каким-то образом сформировать.

Таким образом, возникновение языка невозможно без создания системы представлений о действительности, переживания и оценивания её объектов и явлений, на что, в сущности, и направлена ритуальная деятельность.

Ритуал не только наделяет объекты окружающего мира значением. Его основное содержание составляет их упорядочение, борьба с хаосом. Заметим, что культурное – это, вообще, то, что противопоставляется природному, энтропическому. Показательно, что основной сюжет мифологического творчества, в котором ритуальная практика получает своё осмысление, и составляет борьба упорядочивающего космического начала с деструктивной хаотической стихией.

Средством упорядочения природных стихий, сотворения космоса из хаоса служит чрезвычайно характерный для ритуальных культур акт установления тождества между объектами окружающего мира (макрокосмосом) и человеком (микрокосмосом). Действительность, таким образом, оценивается в ощущениях собственного «я». Но ведь слова, знаки языка тем и примечательны, что они связывают внешний, материальный мир с внутренним миром индивида, создавая параллельную языковую реальность. Ритуал предстаёт колыбелью культуры как вид практики, позволивший наделять положенные во вне его объекты значениями, основываясь на ощущениях собственного тела.

Упомянутый принцип установления тождества между объектами мира внешней реальности и человека, по сути, предстаёт инвариантом архаической ритуальной практики: «Известен целый класс довольно многочисленных текстов, относящихся к самым разным мифопоэтическим традициям и описывающих правила отождествления космического (природного) и человеческого (плоть – земля, кровь – вода, волосы – растения, кости – камень, зрение (глаза) – солнце, слух (уши) – страны света, дыхание (душа) – ветер, голова – небо,

разные члены тела – разные социальные группы и т.п.)» [4, с. 12]. Обращают внимание на действие того же принципа при обозначении не только космоса, его объектов и ритмов, но и других, вполне земных вещей и явлений, которые соотносятся с частями человеческого тела: *подножие горы, лоно земли, ручка двери, ножка стола, лицевая сторона чего-л., быть во главе чего-л., ножка рюмки* и пр. Тем же принципом объясняют и частые случаи антропоморфизации неодушевлённых предметов. Примечательны и соматические (телесные) метафоры, в основе которых лежит соответствие между частями тела и объектами внешней действительности. Таковые считают древнейшим из культурных кодов [подробнее см. 2].

Важно, что язык предполагает не только код, но и грамматику. Как представляется, и в этом он находит известные параллели с ритуалом.

Центральной частью ритуала предстаёт акт, имеющий символическое значение. Он реактуализирует сотворение мира магическим упорядочением его элементов и олицетворяет победу космоса над хаосом. Успех обеспечивается не только знанием соответствия между элементами разрушенной в ходе светопреставления вселенной и членами приносимой жертвы, но и их порядка, воспроизводящего «грамматику» уневерсума.

В. Н. Топоров обращает внимание на то, что в число жрецов в ряде более развитых ритуальных традиций включался так называемый «грамматик». Исследователь отмечает очевидные черты сходства между грамматикой и ритуалом, в частности, операций, совершаемых грамматиком, с членением жертвы жрецом: «Оба они расчленяют, разъединяют первоначальное единство, идентифицируют разъединённые его части, то есть определяют их природу через установление системы отождествлений (в частности, с элементами макро- и микрокосмоса)…» [4, с. 21].

Ещё одним совпадением в деятельности жреца и грамматика В. Н. Топоров видит общность задач: борьбе с хаосом на предметном и вербальном уровне. Установлением порядка между частями грамматик строит «…“образ

мира в слове явленный”, подобно жрецу, который в ритуале строит (в частности с помощью слов) сам этот мир. И тот и другой контролируют этот мир, делая всё, чтобы, преодолев энтропические тенденции, сохранить ***смысл*** мира (и языка как образа мира), развить и усилить его» [там же]. Перечисленные задачи приобретают для человека ритуальной эпохи особое значение ввиду представления об исключительной сакральности упомянутого ***смысла***, обретённого в результате ритуального таинства.

Итак, целый ряд общих признаков языка и ритуала как знаковых систем, с одной стороны, и ритуала и речи как видов деятельности, с другой, указывают на существование между этими явлениями глубинной связи, дальнейшее исследование которой представляется интересным и перспективным. Сделанные наблюдения приводят и к выводу о том, что решающим для развития языка фактором стала не потребность в коммуникации, а именно познание и потребность сохранения его результатов, пользуясь выражением Э. Дюркгейма, «коллективных представлений», жизненно важных для дальнейшей индивидуальной деятельности [3]. Таким образом, перспективы дальнейшего развития ритуальной теории глоттогенеза видятся в поиске ответа на вопрос, чем же был вызван проявляемый в ритуальном творчестве столь высокий познавательный интерес наших далёких предков к таким отвлечённым проблемам, как устройство и происхождение мира и место в нём человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурлак С. Происхождение языка: Факты, исследования, гипотезы. М. : «Астрель» : CORPUS, 2011.
2. Воронкина М. А. Метафора и ритуал // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2010. № 4. С. 123-127.
3. Дюркгейм Э. Социология. Её предмет, метод, предназначение / Пер. с фр., составление, послесловие и примечания А. Б. Гофмана. М. : «Канон», 1995.

4. Топоров В. Н. О ритуале. Введение в проблематику // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. М. : «Наука», 1988. С. 7-60.
5. Deacon T. W. The symbolic species: the co-evolution of language and the brain. New York : W.W. Norton, 1997.
6. Knight Ch. James R. Hurford. Ritual/speech coevolution: a solution to the problem of deception // Approaches to the evolution of language: social and cognitive base. Cambridge UK, New York : Cambridge University Press, 1998. pp. 68–91.
7. Lewis J., Rudolf P. As Well as Words: Congo Pygmy Hunting, Mimicry, and Play // The cradle of language. Oxford, New York : Oxford University Press, 2009. pp. 236–256.
8. Power C., James R. Hurford. Old wives' tales: the gossip hypothesis and the reliability of cheap signals // Approaches to the evolution of language: social and cognitive base. Cambridge UK, New York : Cambridge University Press, 1998. pp. 111–129.
9. Rappaport R. Ritual and religion in the making of humanity. Cambridge, U.K. New York : Cambridge University Press, 1999.
10. Steels L., Rudolf P. Is sociality a crucial prerequisite for the emergence of language? The prehistory of language. Oxford, New York : Oxford University Press, 2009.
11. Watts, Ian. Rudolf P Botha; Chris Knight, ed.Red Ochre, Body Painting, and Language: Interpreting the Blombos Ochre // The cradle of language. Oxford, New York : Oxford University Press, 2009. pp. 62–92.